Нужно исправить,
впрочем сойдет и так:
ведь номер

Цена 15 коп.

МОСКВА, АПРЕЛЬ 1927 г.

СПЕЦИАЛЬНО—
О НЕРЯШЛИВОСТИ

КРОДОКИЛ

№ 13

Рис. Ю. Ганфа

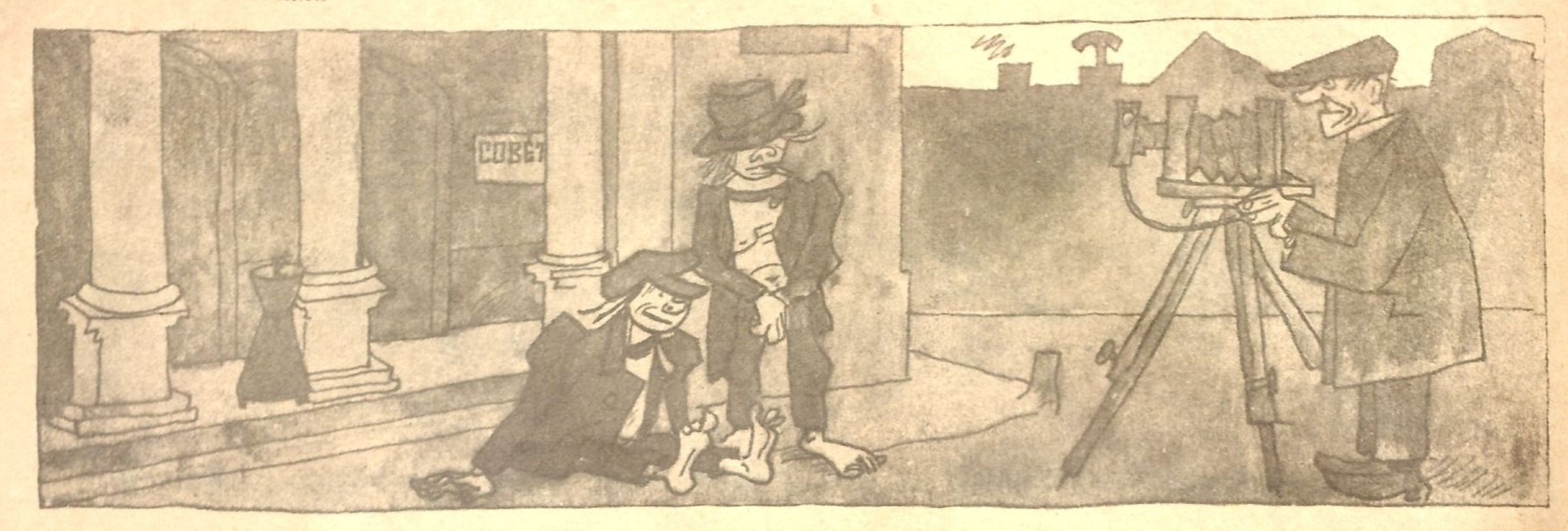
НИ МЫТЬЕМ, НИ КАТАНЬЕМ...

КРОКОДИЛ:— Шестой год я с этими типами мучаюсь! И баню я им задавал, и шею намыливал, и косточки перемывал,— а они все еще не вычищены.

ЛЮБИТЕЛЬ ХОРОШИХ СНИМКОВ

Рис. Ив. Малютина

ФОТОГРАФ: — А ну, ребята, отойдите в сторонку. Здание только-что отремонтировали, а вы на снимке получитесь вроде пятна на светлом фоне.

О НЕРЯШЛИВОСТИ В ОБЩЕМ И ЦЕЛОМ

Собственно говоря, о чем тут и говорить? От неряшливости—вред, а от чистоплотности и опрятности—польза. Значит, что же: надо почаще умываться, а изредка и в баню можно сходить, а если на брюках пятно, то попробуй искоренить его бензином, а оторвалась нужная пуговица—сам пришей или жену попроси. Вот и все, вот и чист.

Но это—в теории, а на практике получается не совсем так. Не очень-то бывает легко соблюдать себя в полной чистоте. В общем—соблюдешь, а в целом или в частностях промахнешься и сделаешь недостаток механизма.

Мы знали одного гражданина, который в смысле опрятности мог дать очков десять хоть самому Чемберлену. И костюмчик на нем всегда свеженький, и лицо чисто выбрито, и в голове никаких насекомых: хоть шаром покати! И по службе был аккуратен: если даже случится, бывало, какая неопрятность в документах или денежных отчетах, то так подчистит и в такой порядок приведет, что никакая РКИ не придерется. Одним словом, замечательный образец гигиены и санитарии, если б не руки. И не то, чтоб не мыл он их: мыть-то мыл и даже одеколоном обтирал, но по странной игре природы никак не мог отмыть до такой степени, чтобы к ним не прилипали народные деньги. Плакали, но прилипали,—и хоть ты тут что хочешь!

Через это и пострадал. О собственные, так сказать, руки споткнулся и весь в грязи вывалялся.

Бывают и другие подобные случаи. Иной человек такою чистюлею держится, что даже смотреть противно: с ботинок пыль носовым платком смахивает, а в баню не ходит только потому, что при квартире у него бесплатная ванна имеется. Самые грязные дела обделывает в высшей степени чисто, и следов за ним нету: заметает. Однако же, глядь,—замарает нечаянно хвост, а вслед за тем и вляпается в грязную историю.

Рассказывали нам также, что в одном учреждении или предприятии сидел, возглавляя его, совработник безукоризненной чистоты: как в наружном смысле, так и во внутреннем. По наружной части он еще дозволял себе иногда упущения: то пальцы чернилами выгваздает, то, например, сидит—в носу ковыряет, а кроме того и слюняв был немножко... Но уж зато с внутренней стороны чистоплотен был безусловно и абсолютно, чистоплотен до такой степени, что на неряшливость даже смотреть не хотел и других от этого воздерживал.

— Не нужно,—говорил,—сор из избы выносить. Прикрыть его надо бумажечкой, чтоб ни виду, ни запаху не было. Не тронь дерьма—не воняет!

И что ж бы вы думали? Столько этого самого сору накопилось в избе, что сам возглавляющий, в конце-то концов, и руками, и ногами в него втрюхался. Еле-еле выкарабкался на суде, а уж о том, чтоб до полной чистоты отмыться, об этом и речи быть не могло.

Вот какие случаются иногда дела. Грязные дела, неопрятные, неряшливые.

А о неряшливости и о нечистоплотности в общем и целом—что же о них сказать? Одно можно сказать: ни к чему нам они.

Пора от этих вещей отделываться. А кто пограмотней, тот может, конечно, и отписываться...

Зам. „Крокодила"

О РОДНОМ БОЛОТЕ

(Современным поэтам посвящаю)

Довольно славить бескультурье,
Задравши неумытый нос!
Довольно хвастать старой дурью
И прославлять родной навоз!

Былого грязь—для нас укором,
Нам гордость пьяная - смешна.
И герб из водки и блина
Теперь нам кажется позором.

И жизнь не та, и мы не те,
Чтоб, умиляясь барским оком,
Петь гимны дикой темноте
И хаять все, что не широко:

„— Ах, Русь, ты вся уходишь в ширь,
Ты непричесана, но свята!"
А Русь меж тем с'едали вши,
И пухли с голоду ребята.

Когда внезапно умилясь,
Поэт теперь, в стихах без яти,
Прославит нищету и грязь,—
Он мне и чужд, и неприятен.

Пора понять, что мы сильны
Не тем, что лаптем щи хлебаем
И танков в случае войны
Мы шапками не закидаем.

Пора отбросить старину
И умиленье перед дурью.
Я сам—люблю свою страну,
Но не за грязь и бескультурье!

Вас. Лебедев-Кумач.

Рис. Ю. Г.

ЧЕМБЕРЛЕН: — Позвольте! Почему же меня-то поместили в номере о неряшливости?

Примеч. „Крокодила"— Очень просто —неряшливо вы, г. Чемберлен, работаете. Наследить вы во всем мире наследили, а замести следы не можете!

ЭПОХА В КАРМАНЕ

Михаила Перепелова я встретил в 19-м году в политотделе 34-й стрелковой дивизии. Помню, в столовке политотдела, когда человек 10 набросилось на мой табак, я спросил:

— Ребята, у кого можно остановиться на дня два?

— Живи у меня,—предложил мне Михаил Перепелов.

— Хорошо!

И я перетащил свой вещевой мешок к нему в горницу. Вечером мы вместе с ним сидели в клубе, а ночью... а ночью я не мог заснуть—так скверно пахло от ног Михаила. Я то и дело выбегал в сени, чтобы подышать свежим воздухом. А он, не раздеваясь, как ни в чем не бывало, укрывшись полушубком, храпел.—Подлец,—подумал я,—спит, хоть бы что!—И изо всей силы толкнул его в бок. Перепелов проснулся и промычал:

— Чего ты толкаешься?

— Иди вымой ноги, а то заснуть не могу.

— Что за нежности—мыть ноги, когда завтра можно без головы остаться. Ведь, чай, ты не у маменьки, а на фронте! На позициях!

— Позиции,—отвечаю ему,—50 верст от нас. А вообще с такими ноженьками, как у тебя, можно весь свет завоевать—ни один враг не устоит.

И утром я предложил ему чистые портянки, но он наотрез отказался и обиженно заявил:

— Ну тебя с твоими портянками, мне вовсе не до них, когда революция в опасности...

С тех пор я больше его не видал до вчерашнего дня. А вчера вечером в трамвае № 16 на передней площадке я вновь с ним встретился. Гляжу, человек знакомый.

— Где-то я вас, товарищ, видал?

— И я с вами где-то встречался!

И вдруг знакомый далекий запах, и я радостно вскрикнул.

— Перепелов! 34-я! Политотдел! Здравствуй!

— А-а, здорово!

И он назвал меня.

Слезли мы с ним на остановке и зашли к нему на квартиру. Он вскипятил чай. И в маленькой, заваленной книгами комнате мы долго вспоминали боевую 34-ю, общих товарищей и знакомых лошадей. Он рассказал о себе. Демобилизовался. Кончил ВУЗ. Оставлен при университете. На нем все тот же френч цвета хаки и та же нечесаная вороная шевелюра. За поздним временем я остался у него ночевать на диване. И опять, как когда-то 9 лет тому назад, Михаил, сняв только френч и сапоги, в брюках лег спать. И опять, как 9 лет тому назад, нестерпимый запах от его ног ударил мне в глаза и нос.

— По прежнему не моешь ног? Сходил бы в баню.

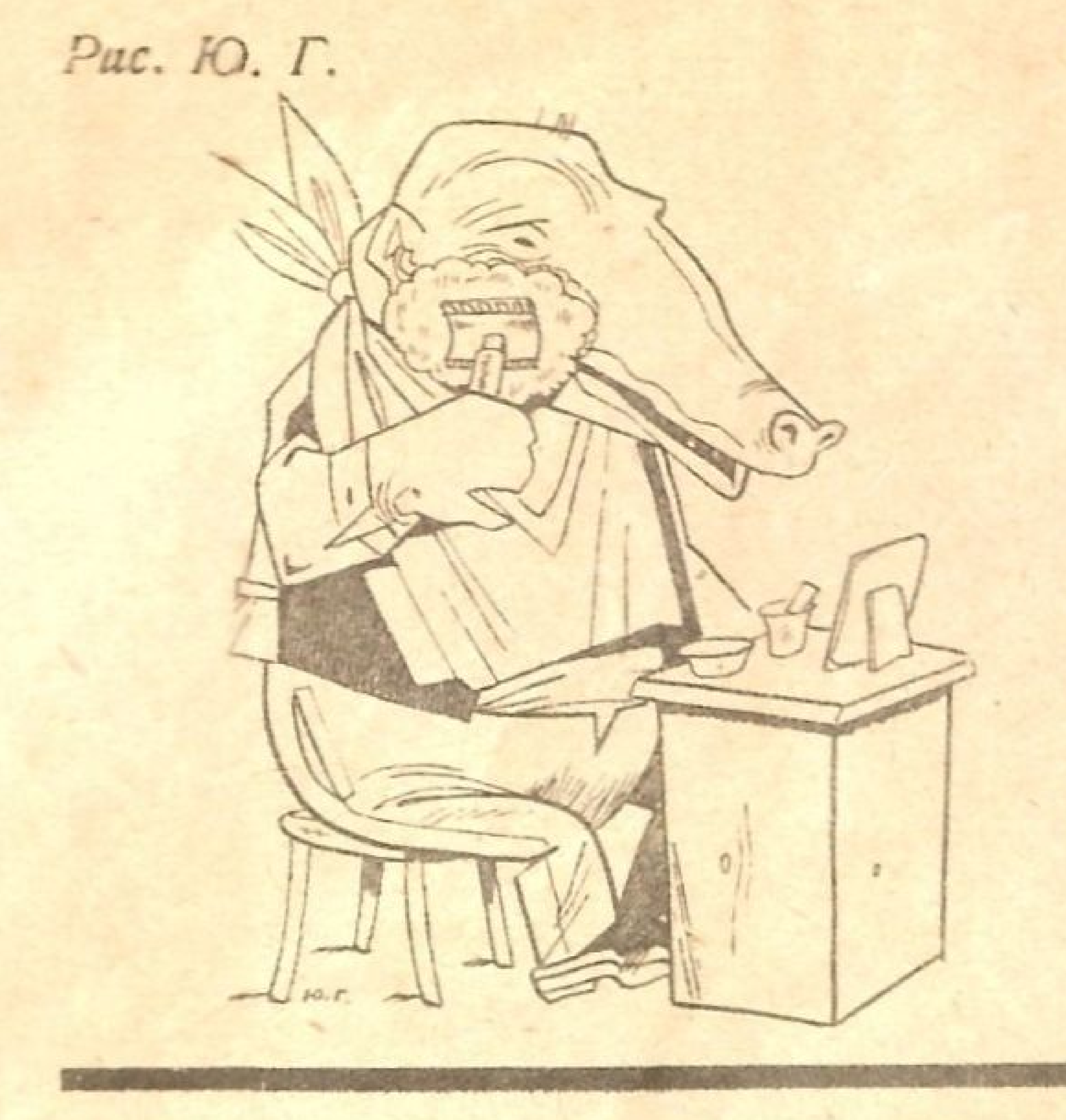
— Да ну тебя с банями. Мировая революция от этого не пострадает. Подумаешь!—огрызнулся он. И вероятно из чувства гостеприимства прибавил:—Пообедать тут некогда, а ты пристаешь с баней.—И опять, как когда-то, он захрапел, а меня замутило. Достал папиросу. Хотел закурить, чтоб хоть немного облегчить свои страдания, но, к сожалению, у меня не оказалось спичек. Решив не будить хозяина, я сам полез в карман его френча за спичками. Рука моя по локоть увязла в мусоре. Я старательно выгреб весь хлам из кармана и положил на стол (а вдруг там у него какие-нибудь нужные ему бумаги). И только на самом дне кармана в уголочке подкладки я нашел сломанную спичку. Чиркнул—треснула, завоняла и зашипела синеньким огоньком.

Откуда у него такие спички? Ведь сейчас таких уже нет. И вспомнил—в 19-м году такие спички выдавали в пайке. И тогда я приблизился к столу и стал внимательно разглядывать весь мусор. Осторожно разгребая его, я вспоминал великую эпоху.—Вот,—говорил я сам себе,—19-е и 20-е годы—и бережно в сторонку отодвинул: кусочек высохшей воблы, несколько крупинок пшена, гильзу от патрона, махорочные кузнечики, лоскуток бинта. А вот уже НЭП. И пошли—крошки белого хлеба, окурки папирос «Асти», трамвайный билет, билет в кино, конфетные бумажки «Моссельпром», водочная пробка, корка от мандарина, огрызок карандаша и повестка из домкома с напоминанием о квартплате. А вот и билет от автобуса... Перепелов проснулся.

— Чего ты там сидишь за столом и колдуешь? Туши свет.

Я почти вскрикнул:

Рис. Ю. Г.

— Я нашел у тебя в левом кармане френча великую эпоху.

Но он не понял меня, захрапел, и ноги его неистовствовали. Я простил ему все и смотрел на него ласково. На человека, который у себя в кармане тащит десятилетие, разве возможно сердиться?

Б. Левин.

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

(О неряшливости и о прочем таком).

Не многие лечатся грязью, но многие от грязи заболевают.

★

Прежде чем перемывать чужое грязное белье—убедись в чистоте собственного.

★

Грязная рубашка отнюдь не способствует чистоте убеждений.

★

И в мытой голове могут быть грязные мысли.

★

Зачем плевать на все, когда для этого есть специальная посуда.

★

Иной гражданин разведет такую грязь, что вместе с грязью и его вычищают.

„ВОЗВЫШЕННАЯ" НАТУРА

Рис. К. Хомзе

— Почему же он вас бросил?

— А видите ли... я собираюсь стать матерью. А он такой чистюля, такой аккуратный. Все эти пеленки, соски—все это не для него! Он выше этого!

ИСПЫТАННОЕ СРЕДСТВО
(ИЗ УЕЗДНОГО БЫТА)

Рис. К. Елисеева

— Какая неряшливость! Какая здесь грязь, какой ужасный воздух! Вы председатель санитарной комиссии? Чего же вы смотрите?!

— Не извольте беспокоиться — меры приняты. Вот я сейчас сосновой водичкой побрызгаю — и все будет в порядке.

НА ГУБАХ НЕ ОБСОХЛО...

Рис. К. Елисеева

— **Вот все говорят насчет неряшливости... Учитесь культуре... перенимайте у Европы... А на кой нам Европа? Мы этим Европам завсегда нос утереть можем!**

СТРАДАЛЕЦ

Трудно, братишки, существовать на свете такому чистоплюю и аккуратисту, как я. Кругом у нас грязь, неряшество, несознательность, ну, прямо—ступить ногой некуда.

Ну, вот, скажем—баня. Мне, чистоплотному гражданину, баня—предмет самого широкого потребления. Каждый месяц бы в нее ходил. А разве мыслимо? Пришел я как-то о прошлой весне в баню—ну, знаете ли, с души, ей-богу, воротит. Диваны это грязные, половики хуже, чем скатерти в Нарпите, шайки осклизли, а в атмосфере одна дезинфекция карболкой в нос вгрызается. Плюнул я, конечно, на всю эту грязищу и ногой не растер. Дома, думаю, помоюсь. Дома, однако, тоже не стал мыться. Где же дома мыться? Набрызгаешь еще на пол, сгноишь накат и балки. Другая неряшливая свинья, конечно, может и дома мыться, ежели она ставит свою шкуру дороже коммунального имущества. Но я на такое предательство революции согласиться не могу. Лучше уж похожу немытым, а неряхой не буду.

На работе тоже самое приходится страдать ради счастья трудящихся. Всю свою продукцию, братишки, кладу на то, чтобы приучить трудящихся к аккуратности. Как же иначе? Придешь на сменку—станок, идол немазанный, точно колдун—ничего на нем не разберешь и ничего не сыщешь. А если и сыщешь—не обрадуешься. Инструмент и материал—одно другого хлеще: продукции самой унизительной и неряшливой. Ну, думаю, братишки, учить вас надо, и учу! Нарезаю такого винта, что сам дьявол не разберет. За такую нарезку под суд бы отдать, а покажешь мастеру: «Ничего, говорит, сойдет!». И, действительно, кто-нибудь с моим винтом сойдет с ума. Зато поймет ренегат, что работать нужно чисто. Эдаким манером и стараюсь каждый раз, когда бываю на заводе, приучаю трудящихся к порядку. Забота, дорогие товарищи, не легкая!

А собрания?! Сколько я от неряшливости в этом тяжком деле времени теряю—страсть! Как человек точный, я всегда прихожу на них минута в минуту с опозданием ровно на полтора часа. А собрание всегда начинают либо через два часа, либо через три. Безобразие!

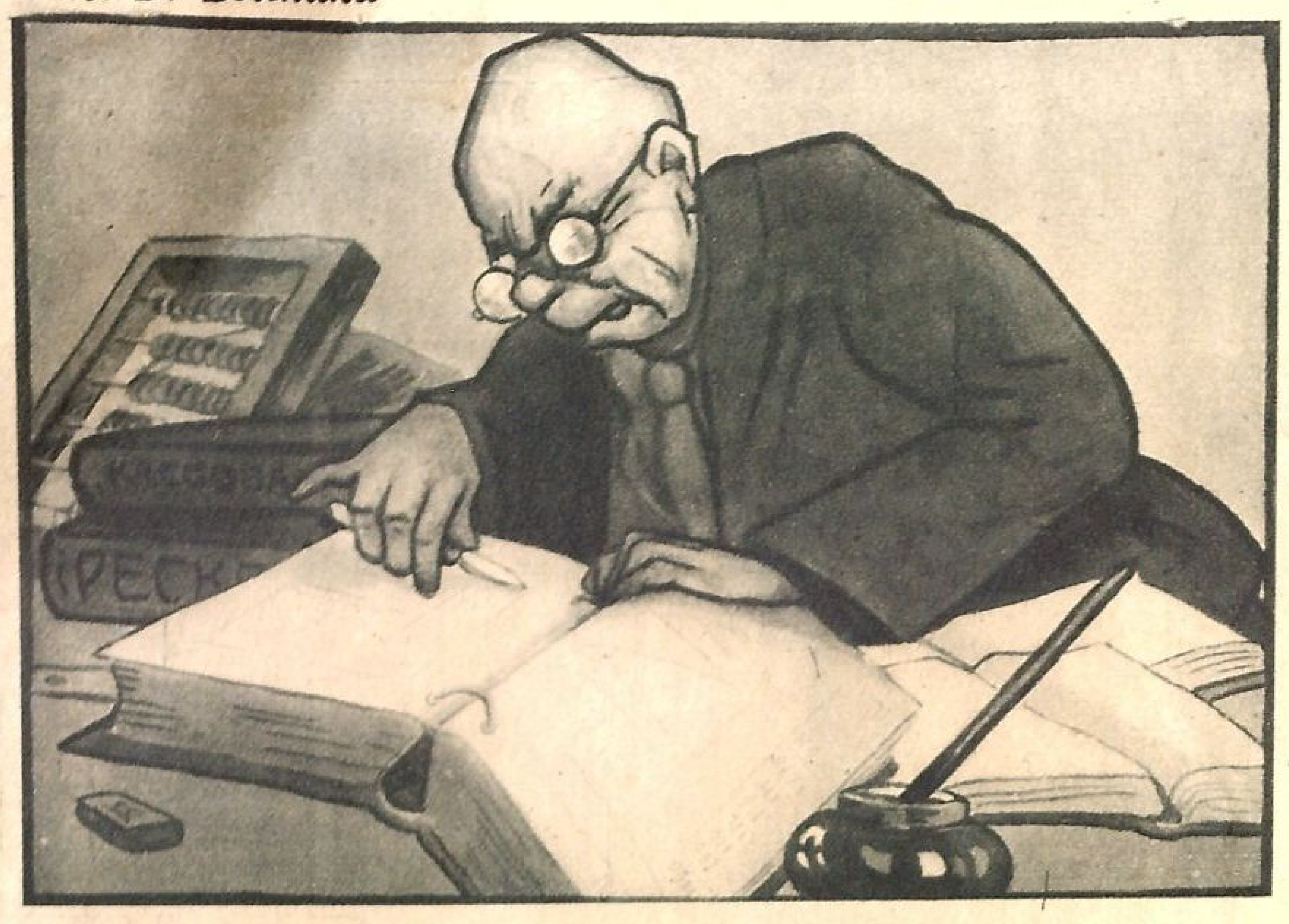
В гости к кому-нибудь придешь, опять же приходится страдать от собственной аккуратности. Чтобы не наследить на полу, заберешься другой раз с ногами на хозяйскую кровать, а хозяин, свинья, морщится. Недоволен, видите ли, что я такой церемонный. Всю поставленную закуску и выпивку я в гостях убираю на чистоту. Это тоже хозяевам не нравится. А почему? Потому что не любят, братишки, у нас людей чистоплотных.

И ведь самое-то возмутительное что? Мало того, что меня все терпеть не могут за мою аккуратность! Этого мало! Они, эти грязные свиньи, все в один голос обзывают меня же неряхой! Как это вам понравится? Ох, трудно, братишки, существовать на свете такому чистоплюю и аккуратисту, как я. Очень трудно!

Лука Наждачный.

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ РАБОТАЮТ НАЧИСТОТУ

Рис. В. Белкина

СЧЕТОВОД: — Какие небрежные записи в книгах! Надо подчистить!

КАССИР: — За кассой тоже надо следить, чтобы в ней все было аккуратно, а главное — чисто!

ИНОСТРАНЕЦ

Луковкин открыл дверь и удивленно взглянул на стоявшего на площадке бритого гражданина в серой шляпе и сером, в талию, пальто.

— Вам кого?

— Не узнает, свинья, ей-богу, не узнает!—весело захохотал бритый:—эх, Луковкин, Луковкин! Гад ты! Сколько мы с тобой пива вместе вылакали? Полгода не встречались—и он уже забыл старого приятеля.

— Урываев!—вскричал Луковкин,—ты?

— А то кто же? Понятно, я. Ну-ка, веди в свою берлогу. Я, брат, к тебе с ночевкой. Семья в Ленинграде, а я сегодня утром прикатил из-за границы. Пухтрестом был командирован...

Ввалившись в комнату, Урываев огляделся и, швыряя шляпу и пальто на диван, укоризненно покачал головой.

— Эка ты, братец ты мой... Даже вешалки у тебя в комнате нет. Что за неряшливость!

— Вешалка в передней...

— Это в коммунальной-то квартире? Благодарю покорно. Еще пальто сопрут. Не было случаев, говоришь? Будут!

Гость развалился в кресле, закурил папиросу и вдруг расхохотался.

— А как же это ты меня не узнал? Здорово я изменился?

— Как тебя узнаешь...—усмехнулся хозяин—усы сбрил. Опять же этот костюм... Краги... Чистый иностранец!

— Меня в Москве везде принимают за иностранца,—самодовольно заметил гость.—Еще бы! За два месяца пребывания за границей приобщился, так сказать, и я к культуре. И здесь даже как-то неловко себя чувствую. Там—чистота, аккуратность, а тут азиатчиной попахивает. Сегодня, например, еду в трамвае, а напротив сидит какой-то суб'ект в кепке и поплевывает. Нет, нет—и плюнет. Я не вытерпел. Как вам не стыдно, говорю, плевать! Это—неряшливо! Если уж не можете удержаться, плевали бы в носовой платок. А он только посмеивается. —А если я дома платок забыл?—говорит. И так мне противно стало, ты представить себе не можешь. Плюнул я и вышел на первой же остановке.

Урываев замолчал, потянул потухшую папиросу, огляделся и поморщился.

— Вот и ты, Луковкин. Ты, брат, извини, а это тоже неряшливость. Хотя сам некурящий, а пепельницу завести следовало бы. Ведь гости у тебя курящие бывают.

— Собираюсь купить давно, да все забываю,—смущенно отозвался хозяин: вон там, в углу, плевательница...

— Ладно уж, обойдемся как-нибудь,—добродушно сказал гость, тыча окурок в блюдечко с недопитым чаем:—а пепельницу ты заведи. Не на пол же окурки бросать. Пора и нам подтянуть и ликвидировать неряшливость и разгильдяйство всерьез и надолго.

Хозяин подавленно молчал и виновато мигал глазами. Гость почесался под пиджаком и продолжал:

— А обращение за границей! В ресторанах на лицах лакеев такая готовность услужить, что даже приятно становится. Кажется—вымажь ему рожу горчицей—он и глазом не моргнет. Ценят посетителя! Не то, что у нас работнички из Нарпита. И на улицах только и слышишь—пардон да мерси. Народу до чорта, а толкотни нет. А у нас, в Москве, шагу нельзя ступить—затолкают, дьяволы. Азия, форменная Азия! Иду сегодня по Кузнецкому,—какая-то толстая бабища в каракуле налетела сзади и чуть с ног не свалила. Постой, думаю, я тебе, стерве, покажу. Пропустил ее, наддал ходу и прямо локтем ей в бок.—Пардон,—говорю,—а она даже ахнула от боли, хе, хе,хе!

Он замолчал и сладко, с повизгиванием зевнул.

— Знаешь что, Луковкин, устал с дороги, как собака. Поваляться, что ли, до ужина?

— Ложись пока на диван,—предложил хозяин.

— Нет, брат, я на постели поваляюсь. Диван у тебя жестковат, а я в Берлине к перинам привык. Перины там замечательные. Ляжешь—и утонешь. Благодать!

Урываев снял пиджак, жилет, под которым обнаружилась порыжевшая от пота и грязи сорочка, и криво усмехнулся.

— Что смотришь? Белье не свежее? Там, брат, за границей, все хорошо, а бань нет. В ваннах ихних только грязь по телу размажешь. Терпеть не могу. Так больше двух месяцев и не мылся. И техника там разная, и культура, а до бань не додумались, сволочи. А в баню на-днях сходить придется.

Он поскреб ногтями грудь под сорочкой, зевнул и, не снимая ботинок, повалился на жалобно крякнувшую кровать.

Н. А. Карпов.

ПРОСВЕЩЕННЫЕ НЕРЯХИ

Дело просвещения в нашем любезном отечестве с давних пор производилось всегда весьма неряшливо. Можно было бы привести тысячу примеров неряшливости в этой области, но зачем, если тут неряшливость обозначалась, так сказать, «в общем и целом»? Впрочем один, достаточно вопиющий пример мы из обширного крокодильего архива опубликуем. Речь идет об одной солидной книге—«На красных путях», обнародованной центральным управлением по просвещению на транспорте, допущенной ГУС'ом, в издании ЦК ж.-д. В книге этой просвещают так:

На странице 120 в отделе «Природные богатства СССР» обозначено, что у нас имеется:

Пашни	.	112.184 т. д.
Луга	. .	30.547 » »
Леса	. .	149.184 » »

И на этой же странице в отделе «Лесные богатства» черным по белому ляпнуто, что леса в СССР имеется 793.000.000 десятин!

На странице 121 среди ископаемых богатств фигурируют кроме каменного угля, серебра, золота, платины еще какие-то **золотые камни!** Ну, бывают еще золотые слова, серебристые ручейки, медные лбы, а камней металлических никак не может быть. Недопустимо это и просто неудобно как-то перед грамотными людьми!

А в заключение со страницы 205 стихотворение, которое может поставить в тупик любого морского волка:

Длинные волны глубокого моря
С гневом летят.
Белые галки, летая над морем,
Громко кричат.

На наш испуганный запрос по поводу редкостных белых галок авторы ответили: «Что же тут особенного! Если бывают белые слоны, то почему же не быть и белым галкам?». Действительно, может быть, галки побледнели от ужаса? Побледнеешь при таком качестве просвещенной продукции! Недаром эти самые галки так громко кричат. О чем кричат несчастные птички? О неряшливости, о потрясающей неряшливости они кричат, дорогие товарищи из центрального управления по просвещению на транспорте и ГУС'а. Так-то!

Б. С.

КОНКУРС „КРОКОДИЛА“

ВЕРНЫЙ ДИАГНОЗ

«Америка—страна с золотым ожирением».

Рис. П. Терещенко (Армавир).

ДОКТОР:—Скрывать нечего—болезнь очень опасная, и смерть стоит у порога.

Рис. Е. Рутковского (Брянск).

— Где ты был во время февральской революции?
— В этой же комнате, внутри этого же дивана.

НЕ ОДИН ВАНЯ БЕЗ БАНИ

Рис. П. Весеннего (Луганск).

Жители г. Луганска ждут вскрытия реки, т. к. единственная для них баня—река, да и та замерзла.

ОЧЕНЬ ПРОСТО

Рис. Н. Стражникова (Москва).

Написано, что цены снижены на 3 процента, а они выше прежнего?
— А мы их вчера вечером на 4 процента повысили.

ЛЕС РУБЯТ — ЩЕПКИ ЛЕТЯТ

Рис. П. Весеннего (Луганск).

— Не поехал бы рубить, да хорошее дерево жалко—стоит без хозяина!

ПЛЮХНУЛСЯ

Рис. А. Кикина

— Вот „Крокодил" тут пишет о неряхах .. Неужели же такие в жизни бывают?

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

Благодаря некультурности некоторые граждане ухитряются прожить всю жизнь и прекрасно устроиться без мыла.

★

В стремлении к чистоте—даже пьяницы предпочитают очищенную.

★

Можно очень часто умывать руки и все-таки быть нечистым на руку.

★

И на солнце есть пятна. Поди-ка их вычисти!

★

Если не выносить сор из избы—что же в избе-то будет?

★

Новая метла хорошо метет, но часто не по тому месту.

★

У некоторых современных писателей намерения чистые, а воображение—грязное.

★

Навоз—полезен для удобрения, но все-таки он навоз.

★

Слишком задирая нос, рискуешь попасть ногой в лужу или даже в нечто еще более неприятное.

Вас. Л. К.

КАЛЕНОЙ МЕТЛОЙ...

Конечно, борьба за аккуратность, против опаздываний и всего прочего разгильдяйства—вещь серьезная и необходимая. Но... Расскажу случай, который опять-таки не против аккуратности, но против уклонов...

Было это не сегодня и даже не вчера, но в общем и среднем—не так уж и давно. Может быть оно так и сейчас происходит, но только я-то не выдержал и перебросился...

Началось, как водится, с кампании: чтобы работать без опозданий и волокиты. И такую кампанию раздули, что охватила оча и верхи, и низы, и массы. Массы между прочим, конечно, ну, а верхам с низами жара подошла: тут тебе и черные доски, и штрафы, и общественное порицание,—как говорится, сплошная неприятность. А под неприятность—кому охота себя подводить?! Вот и пошло это самое...

В приказе о вовлечении масс в аккуратность говорилось:

«Первый удар—разгильдяйству и опозданиям! Железная метла каленым утюгом должна пройтись по тем, кто опаздывает на службу, на заседания, собрания и по прочим поводам. Мелко-буржуазные пятнадцать минут опоздания, считавшиеся законными, должны быть выметены вместе с прочей ветошью старого быта. Все честные граждане должны положить в основу своей жизни и своего быта—аккуратность и точность: опаздывание крадет время, необходимое для успешного строительства. Опаздывание—язва. Боритесь с этой язвой и выжигайте ее каленой метлой и железным утюгом».

Тут и взялись за метлу, утюг и прочие предметы борьбы. Перво наперво было собрано заседание тройки по борьбе за аккуратность. Ясно, что тройка первый пример должна показывать. Она и показала: заседание было назначено в шесть часов, а явились все в целях борьбы к половине шестого. Начали, конечно, ровно в шесть, как глаз!

С этого и пошло уж всерьез, как полагается. Отлучился я из города на недельку, возвратился и вижу, вроде как не в порядке наш город. Приехал я часов в шесть утра, а на улицах уже народу полно. Кто стоит в череду, кто двигается.

— Что,—спрашиваю,—за случай?!

— Никакого,—говорят,—гражданин, случая не предвидится, но в смысле железной метлы с утюгом...

— Так-с! А между же прочим,—спрашиваю,—все-таки что же это обозначает?! Людское скопление, очереди и прочие провозвестники дня?!

— Очень,—говорят,—просто: чтобы не опоздать! Иному человеку к двенадцати надо попасть куда-нибудь, а он уже с четырех часов ночи стоит, трамвая дожидается... Вон там гражданка в очереди стоит, —так ей из будущей получки муж обещал самовар купить,—она и стоит за углями, чтобы не опоздать... Да и мало ли кто торопится?!.

Хотел я еще расспросить гражданина, только слышу грохот и трезвон с трубным гласом,—пожарные лупят во-всю! Я за ними—потому сызмальства пожары обожаю. Добежал,—стали. Стали и стоят,—ни тебе огня, ни тебе дыму!

— В чем дело?—спрашиваю.

— А в том,—говорят,—что вдруг он загорится, а нас еще нет? Нонче за опоздание строго!!!

— Позвольте,—говорю,—граждане-пожарные! Дом каменный, может он во веки веков аминь не загорится, а вы и будете тут торчать, как чучела, извините за выражение?!.

Тут мильтон меня вежливо взял за ручку и говорит:

— Шли бы по своему делу, гражданин! Так вот остановитесь, опоздаете, а я в ответе...

Как увидел, что он штрафную книжку вынимает,—я, конечно, ходу. И на этом самом ходу встретил знакомого гражданина,—бежит торопится! Это пол-седьмого-то!!!

— Куда?!

— Как то-есть куда?! Вот вчера получил Семен Тихонович повестку из учреждения, а в повестке сказано: «зайдите завтра». Он еще не был ни разу в учреждении, но они, чтобы не опоздать, все-таки ему сообщили заранье...

— Ну?!

— Вот те и «ну»! На носу котелки гну, как говорится! И бегу я в учреждение, хоть и нет у меня делов в нем, а на всякий случай, чтобы не опоздать: напишут так—«зайдите завтра», а я и опоздаю. Уж лучше я до извещения забегу...

Я сплюнул с негодованием и пошел себе домой. Только в дверь, а мне навстречу жена с дочкой на руках,—три месяца дочке-то.

— Ты куда?!—уж в растерянности спрашиваю.

— Как это куда?!—а сама ревет белугой:—с него, с подлеца, алименты править за дочку!!!

У меня в глазах аж посинело:

— Ах,—говорю,—ты такая-сякая!!! Так ты вон какая!!! И дочка, стало-быть, которую я обожал всем сердцем, не моя, а хахаля?!

Она пуще реветь:

— Сдурел ты, чорт старый, что ли?! Не за себя алименты править иду, а за дочку. Подрастет она, соблазнит ее кто и ушьется! И будет ей сердечное горе, забудет и про алименты! А пока спохватится—поздно будет: соблазнителя со службы увольнят, а с безработного что возьмешь? Так я уж заранье от ее имени и чтобы предварительное исполнение по листу!!!

И тычет мне в нос прошение, от имени малолетней Наталии писанное, в котором оная малолетняя Наталия требует уже алименты от соблазнителя имя-рек...

— Ну,—кричит,—жди, сейчас вернусь! А то опоздать боюсь...

Тут-то я и собрался из города из этого,—не выдержал, перебросился!!!

Ежели уж трехмесячное дитя алименты с соблазнителя загодя требует,—что ж это такое будет?!

Опаздывать, конечно, нехорошо. Но и торопиться, как поп в мазурке, не годится, по-моему...

Вл. Павлов.

Рис. Ив. Малютина

НЕ ВСЯКИЙ ВЫДЕРЖИТ

ОБСЛЕДОВАТЕЛЬ:— Скажите, а клопов у вас тут не водится?
ОБЩЕЖИТЕЛЬ:—Помилуйте! Клоп—да нешто он в таких условиях выдержит? Он—насекомая слабая, куда ему!

ВИЛЫ В БОК

ГРЯЗНОЕ ДЕЛО

На консервных заводах № 1—2 г. Астрахани

рабочие набивали лед в ледники. В одном из ледников лежало много навоза и прошлогоднего льду. Чтоб скорее набить ледник, пом. зав. Алексеев предложил рабочим сдельно убрать навоз. Рабочие запросили 342 четверти водки и за прошлогодний лед из заработка не вычитывать. Алексеев согласился, а при расчете недодал рабочим 12 рублей.

И правильно сделал тов. Алексеев, что не выполнил условий, потому рабочие тоже их не выполнили.

Было сказано из ледника убрать весь навоз, а пом. зава и не тронули.

НЕЧИСТОПЛОТНЫЕ

Сообщают:

В марте 1926 года ком'ячейка при Свесских заводах Глуховского окр. послала заказ и деньги на 5 экз. стенографического отчета XIV с'езда ВКП(б) периодсектору Госиздата. Через месяц получили квитанцию за № А79673 о том, что заказ принят. И вот сейчас уже март 1927 года, а книг еще у нас нет.

Надеемся, что после того, как Периодсектор попал в нерашливый наш номер, кто-нибудь задаст ему баню, так что пройдет еще какой-нибудь годик, и вы отчеты получите. Так или иначе—с легким паром вас, товарищи из периодсектора Госиздата!

БОЛЬШАЯ И ТЕПЛАЯ КОМПАНИЯ

Рабкор тов. «Недоумевающий» пишет нам о налете родных и знакомых на Окуловскую фабрику.

В главконторе ф-ки работает семья Хохловых: отец—кассир дочь—машинистка, сын—чертежник, тут же зять да еще два племянника — Насоновы. По протекции предфабкома приняты: Дмитриева--не-член союза, двое Расторгуевых—свояченица и свояк председателю охраны труда, Никитина—жена предфабкома, Дерняков, растративший казенные деньги и осужденный отбывать наказание, Кузнецов, снятый за растрату с работы завхоза больницы.

Вот люди деньги растрачивают да еще по протекции на службу устраиваются.

А им начхать на все. Они ведь живут по принципу:

— **«Спешите жить, спешите жить, спешите все от жизни взять!».**

Не все-ль равно, не все-ль равно придется отвечать?».

ДАЕМ ОТЗЫВ

Рабкор «Аргус» из Керчи сообщает:

Управляющий рыбными промыслами Центросоюза Луцкий, б. по случаю своего перевода в Астрахань написал для себя адрес, подробно описывая свою службу в Керчи, восхваляя себя как опытного, энергичного работника, хорошего товарища и проч., и проч. Подписи служащих на этом адресе поручил собрать своему приятелю, завскладом Кагарлицкому.

Нет ничего удивительного, что человек отзывы собирает, а то поди, зарекомендовывай себя заново на новой службе, одна волокита только. «Крокодил», сочувствуя желанию Луцкого быть известным и иметь отзыв..., посылает этот № журнала правлению Центросоюза. Пусть все знают, что и «Крокодил» похвалил Луцкого.

Рис. К. Е.

— **Ох, и чисто же я жил в девятнадцатом году. Каждый день белье менял... и на хлеб, и на соль, и на картошку...**

ТРЕБУЕТСЯ ОПЕРАЦИЯ

«Красный Семафор» сигнализирует нам с Владимирского врачебного участка, Курской жел. дор., что:

Заведующий врачебным участком Гаврилов сократил непонравившегося ему фельдшера Хромова. За критику в стенгазете уволил аптечного работника Аверина. За Аверина заступается местком, общее собрание медработников, РКК по вопросу увольнения к соглашению не пришла. Аверин жалуется прокурору, а Дорздравотдел, узнав это, решил сократить штат и сокращает—Аверина. Потому, что у Гаврилова в Дорздравотделе **рука есть.**

Нехорошая эта рука у Гаврилова, больная. Отнять ее надо!

ВЫШЕ ДОВОЕННОГО УРОВНЯ

Жалуется один рабкор на администрацию Людиновского завода, Брянской губ.:

— В 1913 году бухгалтерия завода вела 25 отчетов, теперь же 180...

В 13 году на 3.879 рабочих числилось 308 служащих, а к концу 1926 г. на 3.358 рабочих—4.311 служащих.

Можно сказать, завод перешагнул довоенный уровень на 150 проц., а вы еще жалуетесь. Совестно, товарищ!

ЧЕРНОГО КОТОВА НЕ ОТМОЕШЬ ДОБЕЛА

Из рудоуправления имени т. Рухимовича пишут:

— Зав. шахтой им. тов. К. Цеткин, тов. Котов, урезал по 13 копеек на упряжке у рабочей артели.

Когда рабочие обратились к нему:—«Иван Степанович, почему вы урезали наш заработок?»—Котов закричал:—«Вон отсюда, хулиганы, босяки».

Бедный, бедный Ваня. До чего довели его эти рабочие—даже на человека не стал похож, а на какого-то жандарма.

ТИХОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Я—воинский делопроизводитель волостного масштаба. Должность моя волокитная, не обрадуешься: тому чего-нибудь не вписал, этому чего-нибудь не вписал, документы мыши точат; народ аховый, на шею норовит сесть. Но все-таки—благодарение богу — изживаются инциденты.

Приходит бумажка из Москвы:

— Выслать дубликат личной книжки, взамен похищенной, Ивану Константиновичу Шкворневу.

Центр напирает—надо-ж.

Проглядываю списки за 1926 год—нету, за 25-й—нету, за 24-й... ах, вот он, Шкворнев Иван, чтоб ему пусто!

Рождения 1897 года—так-с, демобилизован после бури гражданской—хорошо-с, а дубликаты-то, стой: где же у меня дубликаты 24 года? Не скурены ли ребятами, когда они на Рождестве самогонились в исполкоме? Туда-сюда—нет дубликатов—можно полагать: скурены. Кручу мозгами—что предпринять. Придумал. Ладно, вышлю тебе, Ванька Шкворнев, дубликат, вышлю, чтоб тебе пусто. Начинаю заполнять:

Социальное происхождение—ясно, понятно: крестьянин.

Член какого союза—вот и стой: какого союза?—Ну, раз потревожил чорт, на-ж тебе: бессоюзный.

Воинская специальность—чего тут думать: боец.

Прохождение военной службы—ставлю: буря гражданской войны, разные части.

И отослал. И точка. И месяцы побегли. Вот оно—заговенье. Соображаю насчет себя—поговеть или нет. Делов в общем мало.

Однажды, в служебный час, встает передо мной гражданин, по городскому одетый:

— Вы—воинский деловод?

— Я—воинский деловод.

— А я Шкворнев Иван. Зачем вы мне еручду вместо личной прислали?

— Рассылкой ерунды, — говорю, — не занимаюсь. Напрасно оскорбляете, гражданин.

Тут он заохал словно баба, которой—вот, вот родить.

— Что вы написали: гляньте. Не крестьянин. я вовсе —рабочий, не бессоюзный, а с семнадцатого года металлист, только что боец—правильно упомянули.

Я ему:

— Ага!

А он:

— Да что «ага». Прохождение-то: разные части, какие? В моей личной все было. Ехал специально к вам за тысячу верст, сменные штаны для билета продал. Переучет сейчас, строгости, а вы мне—ерунду!

Поохал, поохал—пришлось сказать:

— Ваш дубликат, видимо, скуренный.

От слова «скуренный» встал он на дыбы: в три этажа начал садить. Сади, не сади—шабаш: дубликат скуренный.

И ушел. И точка. И еще месяц пробег. Отсиживал я свой служебный час. Курить потянуло, достал кисет—тьфу ты пропасть!—бумага вся вышла. Во что бы завернуть?—Ну-ка, в этот стальной ящик я уже сколько годов не лазил. Открываю ящик—наверху дубликаты 24-го. Нет ли того, который в три этажа интересно заворачивал?

— Ах ты, вот он—Иван Шкворнев, металлист и части прохождения службы: все в точности.

Соображаю—на кой шут теперь дубликат Шкворневу, когда он обратно в Москву подался?

И завернул. И точка.

С. Бакланов.

ГОСТЬ, А ПОНИМАЕТ

Рис. Ив. М.

— Другая свинья придет в гости и норовит где-нибудь на скатерть или посреди комнаты... А я свое место знаю — всегда в уголок.

КОНКУРС „КРОКОДИЛА“ — НА — КАРИКАТУРЫ

18 ПРЕМИЙ НА 575 РУБЛЕЙ

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ — 100 РУБ., ВТОРАЯ ПРЕМИЯ — 75 РУБ., ТРЕТЬЯ ПРЕМИЯ — 50 РУБ., 5 ПРЕМИЙ — ПО 30 РУБ., 10 ПРЕМИЙ — ПО 20 РУБ.

Цель конкурса—выявить лучших карикатуристов как среди квалифицированных художников, так и среди художников-рабкоров, и тем самым влить новые и свежие силы в постоянный состав сотрудников „Крокодила“. Расширение круга художественных сотрудников, тесно связанных с рабочей массой и рабочим бытом,—очередная боевая задача журнала.

Конкурс должен еще более укрепить связь с широкими читательскими и рабкоровскими массами. Конкурс должен дать выход художественному творчеству масс, пробудить интерес к карикатуре и сатирическому рисунку. Конкурс, вместе с тем, должен положить начало постоянному печатанию в журнале карикатур и рисунков художников и рабкоров, желающих испробовать свои силы в этой области. Авторы лучших карикатур и рисунков будут приглашены для постоянной работы в журнале.

Дорога для всех карикатуристов в „Крокодил“ открыта. Шлите карикатуры и сатирические рисунки на конкурс.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА:

1. Карикатуры и рисунки могут быть на любую тему, интересную для рабочего читателя.
2. Цветные рисунки должны быть исполнены в три краски. Черные—карандашем, пером или тушью.
3. К каждому рисунку следует приложить сопроводительную записку с указанием фамилии или псевдонима автора, его адреса и социального положения, а также с наложением подписи под рисунком и его заголовка.
4. Рисунки адресовать: Москва, Тверская, 3, „Крокодил“, на конкурс.
5. Последний срок присылки рисунков—15 апреля 1927 г.
6. Все премированные рисунки печатаются в „Крокодиле“; кроме того, редакция оставляет за собой право печатать и непремированные рисунки, а также и изменять подписи под ними.
7. Высылка и выдача премий будет произведена не позже двух недель после окончания конкурса.
8. Постоянные художники журнала участвовать в конкурсе не могут.

„КРОКОДИЛ“.

АРТИСТ

Растратчик Павлов не умен.
Пошел плохой дорогой.
Растратил 240 он
И „на три“ сел „со строгой“.
Поддался парень злой судьбе
И влип, вздохнув, как баба:—
Ни удовольствия тебе,
Ни крупного масштаба!

. . . .

Васильев Петька не таков,
Им каждый пунктик взвешен.
Васильев с чуба до носков
Всегда уравновешен.
Для мелочей не тратя сил,
Обходит он все кочки,
Советский кодекс изучил
От строчки и до строчки.

. . . .

У Ремингтоновой Надин
Глаза, как незабудки,
На губках—пламенем кармин,
К ней „спецы“ очень чутки.
У Ремингтоновой Надин
В кудрях смеется солнце. ....
Пойди такую же найди
За тридцать два червонца.

. . . .

Васильев Петька, не плошай!
Лови свою синицу!
Девица дюже хороша,
Держи сию девицу!!
Васильев Петька, ты—кассир,
В твоих руках есть сумма.
Хватай, Петрусь, за жабры мир!
Отбрось, братишка, думы!!

. . . .

Васильев взвесил все, как есть,
Не трусит он аварий.
Ревтрибунал должон учесть:—
Чистейший пролетарий!
На сорок в месяц жить невмочь.
Весь век торчу на стуле!
И десять тысяч в ту же ночь
Из кассы, как слизнули!!

. . . .

У Ремингтоновой Надин
Открыт в Промбанке счетик.
В квартирке Нади—шелк гардин,
На шубке Нади—котик!
У Ремингтоновой Надин
Ужасно много целей,
И арендован магазин
Кондитерских изделий!

. . . .

Кассир Васильев, ясно, взят
—„Изъять скорей заразу!“
Судебным следствием прижат,
Сознался парень сразу: -
—„Подлец, мол, я, мерзавец, вор—
Продул в железку средства
Да я б, товарищ прокурор,
Стрелял таких бы с детства!“

. . . .

Суд был раскаяньем согрет;—
—С пути, мол, парня сбили
Приговорили на пять лет,
Но тут же два скостили.
„Он хочет искренним трудом
Загладить злые слухи!“
И через месяц исправдом
В восторге от Петрухи...

. . . .

Организует культпросвет,
Читальню-клуб заводит.
Какой-там к чорту „на пять лет“—
К весне уже выходит!
Васильев Петька вновь с Надин.
Доволен, счастлив, в теле...
И сел кассиром в магазин
Кондитерских изделий.

. . . .

А Павлов, этот недалек. .
Сидит теперь и ноет.
Ему-то было невдомек,
Что эдак красть не стоит.
Поддался парень злой судьбе
И влип, вздохнув, как баба:—
—Ни удовольствия тебе,
Ни крупного масштаба!!

Юрий Фидлер.

Издательство „Рабочая Газета“—Москва, Тверская, 3. Ответственный редактор К. МАЛЬЦЕВ.

Главлит № 81820. Типография «Рабочей Газеты». Сущевский вал, д. № 63. Тираж 175.000

Рис. М. Храпковского

НЕЛЬЗЯ СРАЗУ

Многие наивные идеалисты полагают, что по выходе номера „Крокодила" о неряшливости—город Неряшинск примет вот такой вид.

Но, дорогие товарищи, в лучшем случае он исправится только в такой степени.